

Виталий **СКАЛАБАН**,
кандидат исторических наук

ИЗВИЛИСТАЯ ФОРТУНА ПОНОМАРЕНКО

Архивный след вождя советских партизан

П. К. Пономаренко.

Среди руководителей Советской Беларуси своё особое место занимает Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко (1902–1984), в годы войны возглавлявший Центральный штаб партизанского движения. Он приехал в Минск летом 1938 года на должность первого секретаря ЦК КП(б)Б и в 1948-м уехал в Москву «на повышение». Это десятилетие в воспоминаниях Пономаренко, границы из которых опубликованы в белорусском журнале «Неман» в 1992 году философ Ф. Т. Константинов, место хранения подлинника неизвестно, названо «незабываемым временем»¹. И в самом деле, именно Пономаренко стал «собирателем» белорусских земель, присоединял в 1939 году Западную Беларусь, убедил Сталина, что Полесье с Брестом и Пинском должно быть в составе БССР, а не УССР, как предлагал Хрущёв. После освобождения республики в 1944 году, по воспоминаниям Пантелеймона Кондратьевича, именно он отстоял перед Сталиным и политбюро ЦК ВКП(б) Полоцк в границах Беларуси². В освобождённой Беларуси Пономаренко много сделал для восстановления хозяйства и культуры. Послевоенный план застройки Минска готовился архитекторами по его предложениям и под его надзором. В современном Минске о Пантелеймоне Кондратьевиче напоминают и проспект Независимости, и мемориальная доска на знаменитом 2-м Доме Советов, и улица его имени.

Но есть и другая память. Сталинский назначенец не был человеком из другого времени. Одно из своих первых выступлений, 8 июля 1938 года в Гомеле, Пономаренко посвятил задаче «выкорчевывания врагов». Известна и его шифровка Сталину с просьбой увеличения количества репрессированных для БССР по первой категории (расстрел) на две тысячи человек, а по второй (тюрьма или

лагерь) — на три тысячи³. Он действовал теми же методами и приёмами, что и его предшественники. Ему удалось выиграть противостояние с наркомом НКВД БССР Наседкиным, а в мае 1938-го, бывшим начальником УНКВД по Гомелю, области. Логично рассудить, что истинный масштаб личности белорусского первого секретаря можно измерить лишь изучив его архивное наследие. В последние два десятилетия эта работа началась, активно продолжается.

В Москве, на Кутузовском проспекте, недалеко от дома № 26, где жила партийная элита — Брежнев, Андропов, Сталин и Пономаренко, установлен официальный отряд памятника ещё не было) памятник великому белорусскому поэту Янку Купале. Существует красивый рассказ о том, что, когда Пономаренко в конце 1938 года доложил Сталину, что НКВД настаивает на аресте Купалы и Якуба Коласа, «вождь народов» сказал: «Зачемите ордена на ордена». Но не запустил ли легенду об орденах и ордерах сам Пантелеймон Кондратьевич, пытаясь после смерти Сталина обезопасить себя, «отмыться»? Недавно умерший белорусский писатель Иван Шамякин, которому о замене ордера на ордена поведал холодным летом 1953-го министр культуры СССР Пономаренко, в своих «Ночных воспоминаниях» о «Пантелеймоновом кино» прямо об этом писал: «...он искал возможности отмыться. Нашёл: вызвать молодого белорусского писателя, авторитетного (лауреат!), рассказать ему, какой хороший он был, конечно же, писатель расскажет его легенду коллегам, старым и молодым, кто-то запишет её... Но не лучший он был сценарист, забыл про одну существенную деталь — про архив, который пополнил своими письмами...»⁴ И точно: сохранился машинописный отпуск письма Пономаренко Сталину «О белорусском языке, ли-

тературе и писателях», датированного 21 ноября 1938 года. Приведём отдельные фрагменты, касающиеся Янки Купалы: «Наиболее крупную контрреволюционную националистическую работу провёл союз «советских» писателей Белоруссии, идейно возглавляемый всегда десятком профашистских писателей (в том числе известные Янка Купала и Якуб Колас), и в целях прикрытия (в том числе и сейчас) инерция у руководства коммунистов... Сама мысль о сближении белорусского и русского языков была ужасной. Янка Купала пустил крылатое выражение «проза жива, поэзия, живе народ». В основе лежала тенденция рвать со всем русским, как говорится «московским» в языке, и через родной самобытный язык тянуть массы на Запад... Янка Купала говорит, что то, что он написал при Советской власти, не творчество, а дриндушки... Янка Купала недавно сказал: «Все наши карты биты, лучшие люди истреблены, надо самому делать хакарири». (Он уже пытался один раз покончить собой). В другой раз он начал жаловаться (в своём кругу) на безудержную тоску, на то, что никакой Белоруссии он не видит вокруг себя, что его жизнь прожита даром, что он скоро умрёт с такой же тоской о Белоруссии, с какой начинал свою жизнь в молодости... Наркомвнудел Белоруссии запросил из центра санкцию на арест Купалы и Коласа уже давно, но санкция пока не дана... По двум вопросам: а) о предлагаемых мероприятиях в отношении белорусского языка, грамматики и литературы; б) об отношении к писателям Янке Купале и Якубу Коласу, я прошу Вас дать мне совет»⁵. Отметим важную деталь. Письмо датировано 21 ноября, а беседа Иосифа Виссарионовича с Пантелеймоном Кондратьевичем состоялась 19 декабря 1938 года⁶. А ещё через 40 дней ордера превратились в ордена. Президиум